

— Не сердись, это моя вина, — заискивающе сказал Лян Цзивэнь. — Несколько сладких дынь уже созрели, хочешь попробовать?

Чжань Цзюцзян хотел сохранить достоинство, но в конце концов не устоял перед искушением:

— Хочу.

Лян Цзивэнь, увидев его выражение лица, где злость боролась с желанием, чуть не рассмеялся, но, боясь разозлить его, сдержался.

Сладкие дыни на этом маленьком участке приусадебного участка были выбраны Лян Цзивэнем из пространственного хранилища. Он взял семена из созревших дынь, и после нескольких лет улучшения получились два сорта: один с хрустящей и ароматной мякотью, другой — мягкой и песчаной. Оба сорта были сочными, с медовым оттенком, и при первом укусе наполняли рот сладостью, но не приторной, а лёгкой и освежающей.

Чжань Цзюцзян не очень разбирался в выращивании, но он хорошо выбирал. Он осмотрел каждую дыню, потрогав их, и выбрал пять. Хотя на пяти растениях было всего несколько плетей, урожай был обильным. На участке размером в три фэна висели сотни дынь, каждая чуть больше кулака взрослого человека.

— Может, выберем ещё несколько?

В их семье все любили сладкие дыни, хотя больше предпочитали хрустящие, песчаные тоже были популярны. Чжань Цзюцзян выбрал два песчаных и три хрустящих, но на всех членов семьи приходилось всего по небольшому кусочку.

— Остальные ещё не созрели.

Чжань Цзюцзян проигнорировал его и, взяв маленькие сладкие дыни, зашёл внутрь. В жаркую погоду дыни, помытые и охлаждённые в воде, были идеальным десертом после еды.

Женщины и девочки в семье по очереди занимались домашними делами, иногда мужчины тоже помогали. Сегодня Лян Тин и Лян Цзин помогали старшей тёте Лян готовить ужин. Когда Чжань Цзюцзян вошёл с дынями, Лян Цзин вскрикнула.

— Цзян-гэ, дыни созрели!

Услышав её, остальные тоже обрадовались.

Чжань Цзюцзян кивнул, набирая воду:

— Не совсем созрели, но несколько уже можно попробовать.

Сладкие дыни были любимыми фруктами семьи Лян, бабушки Лян и дедушки Чжань, но из-за необходимости выращивать другие овощи, площадь под дыни была небольшой. Хотя сотни дынь звучали как много, на всех членов семьи приходилось всего по десятку, и притом они были очень маленькими. Деревенские жители тоже любили эти дыни, но их урожайность не могла сравниться с местными тыквами, которые давали более 1 000 цзиней с му земли, хотя и были менее вкусными. Сладкие дыни были дешёвыми и не могли заменить зерно, их считали скорее десертом. Хотя семья Лян делилась семенами, немногие действительно их выращивали.

Хотя у семьи Лян было достаточно зерна с горы Дацин, дедушка Лян всё равно усердно

работал на земле. Выделить три фэна под дыни было результатом настойчивых просьб детей.

Дедушка Лян был консервативен и упрям, но именно такие люди обладают принципами и стойкостью. Из чувства ответственности перед семьёй он молчаливо принял «плохие» дела детей. Хотя это мучило его, он придерживался принципа: если дети вложили много сил, то эти плоды должны достаться им. Будь это упрямство или глупость, он редко ел тонкое зерно или мясо, уговаривая детей есть больше, но сам почти не притрагивался. Таким образом он молча выражал свой протест.

Дедушка Лян никогда не требовал от других следовать его примеру. В начале Лян Цзивэнь предложил глупую идею: все перестали есть, чтобы поддержать дедушку, питаясь только жидкой кашей и солёными овощами. Дедушка Лян тогда хлопнул по столу и ушёл. Блюда, которые ему подкладывали сыновья и внуки, он перекладывал в тарелку своей жены. В то время атмосфера в доме была напряжённой. Лян Цзивэнь, смотря на это взрослым взглядом, не мог понять его.

Позже, когда Лян Цзивэнь начал разводить червей и делать компост, почва стала плодороднее, урожаи увеличились, и он поделился своими методами с другими. Только тогда дедушка Лян стал чаще улыбаться и чаще брать палочки. Так дом вернулся к прежней атмосфере.

После ужина дети усердно собрали посуду и подали на стол нарезанные кусочки дынь. Каждый брал кусочек палочками и ел. Все понимали, что оставляли несколько кусочков для стариков. Трое стариков, жуя дыни, с улыбкой смотрели на оставленные для них кусочки, чувствуя сладость в сердце больше, чем во рту.

— Цзян-гэ, завтра можно ещё съесть несколько?

Дети, живущие недалеко от приусадебного участка, побежали смотреть на дыни, присев вокруг них. Раньше они не знали, что дыни созрели, но теперь, попробовав, не могли забыть их вкус.

Чжань Цзюцзян, хмурясь, с грустью смотрел на ещё не созревшие дыни и вздохнул:

— Три.

Дети опустили глаза. Чжань Цзюцзян лучше всех выбирал дыни, поэтому все слушали его.

Лян Цзин, вздохнув, как взрослая, сказала:

— Завтра мы точно не получим ни одной, дедушка наверняка раздаст их.

Семья старшей тёти Лян, семья мамы Лян, да ещё и деревенские друзья — возможно, несколько дней мы не увидим дынь. Остальные дети тоже вздохнули.

Лян Цзивэнь легонько шлёпнул каждого по голове:

— О чём вы волнуетесь? Их так много, и они не перестанут расти!

Чжань Цзюцзян, получив шлепок, сердито обернулся и закричал:

— Не шлёпай!

Лян Цзивэнь улыбнулся и сунул Лян Ю в его руки.

Чжань Цзюцзян сразу же рассмеялся, а Лян Ю, удивлённая, тут же заревела.

Лян Цзивэнь подумал: «...»

Следующий месяц Лян Цзивэнь снова провёл в походах на гору Дацин, дважды под предлогом сбора грибов и диких овощей после дождя. Грибы были и на других холмах, но семья Лян была слишком сильна, и меньше конкурентов было лучше. Каждый раз они уходили на три дня, днём и ночью работая, и за десять дней спрятали в погребе более 1 000 цзиней сушёных грибов, древесных ушек, мяса и сухофруктов. Большой погреб был заполнен, и маленький тоже.

Лян Цзивэнь потратил больше половины своей духовной воды. Каждый раз, когда он отправлялся в горы, он выливал много духовной воды, поэтому гора Дацин становилась всё зелёнее, животных становилось больше, а урожаи богаче — во многом благодаря духовной воде.

Прожив в Китае столько лет, Лян Цзивэнь больше всего запомнил, как не хватало зелени. В прошлом году было много разрушений, конфликтов из-за земли, засухи и голода. Хотя не было промышленного загрязнения, окружающая среда была далека от идеала. Заботясь о здоровье семьи, Лян Цзивэнь также хотел внести вклад в деревню и гору Дацин.

Личные вещи Чжань Цзюцзяна были немногочисленны. Лян Цзивэнь помогал ему собирать, и в итоге получилось три летние рубашки, две пары брюк, две майки, три пары трусов, три комплекта осенней одежды, два зимних пальто и униформа на все сезоны.

Чжань Цзюцзян молча сидел на кровати, наблюдая, как Лян Цзивэнь помогает ему собирать вещи, и время от времени пинал щель между кроватью и полом, как будто надеясь найти там несколько сотен цзиней риса.

— Не пинай, а то сломаешь.

Лян Цзивэнь пытался разрядить странную атмосферу.

— Сломается, так сломается, всё равно хорошую никто не спит!

Лян Цзивэнь задумался на пару секунд, прежде чем понять.

— А когда вернёшься, не будешь спать?

Чжань Цзюцзян взглянул на него:

— Ты просто считаешь, что я мешаю!

На этой кровати действительно почти никто не спал. Чжань Цзюцзян, когда учился, оставлял её пустой, а когда возвращался, чаще спал с Лян Цзивэнем, редко возвращаясь сюда. В доме было только он и дедушка Чжань, и он, с одной стороны, боялся одиночества, а с другой — хотел быть ближе к Лян Цзивэню.

Автор имеет что сказать:

Чжань Цзюцзян получил шлепка по голове, сердито обернулся и злобно сказал:

— Не шлёпай!

Лян Цзивэнь улыбнулся ему и сунул Лян Ю, которую держал на руках, ему в объятия.

Чжань Цзюцзян тут же расхохотался, Лян Ю замерла на мгновение, а потом тут же

запрокинула голову и громко заревела.

Лян Цзивэнь: «...»

<http://bllate.org/book/16557/1511071>